

Нин Цюянь вставлял последний кусочек фрагмента с мамонтом, когда в комнату для пазлов вошёл Гуань Хэн, а следом — уже закончивший разговор с ним Лу Цяньцюэ.

Нин Цюянь сидел на полу, скрестив ноги, сжимая в пальцах крошечную деталь. Глаза у него были ещё красные.

Пазл и правда помогал: ему потребовалось время, чтобы успокоиться, но при виде этих двоих всё снова всколыхнулось — волна за волной накатывала неловкость.

— Я уезжаю, — сказал Лу Цяньцюэ. Он пришёл специально попрощаться. — Спасибо тебе за сегодня.

Нин Цюянь считал, что ничего особенного не сделал — всего лишь подыграл.

Он ответил «не за что» и спросил:

— Так поздно — и вы уже уезжаете?

Лу Цяньцюэ появился вечером; после небольшого интермеццо и двухчасовой беседы с Гуань Хэном время подбиралось к глубокой ночи.

— Нет, сейчас — в самый раз, — сказал Лу Цяньцюэ. — Задержусь дольше — и будет правда поздно. Что ж, до свидания, малы... — Он вовремя осёкся и с лёгкостью поправился: — До свидания, Нин Цюянь.

Лу Цяньцюэ вечно шутил, но при этом оставался безупречно вежлив.

Нин Цюянь с трудом связал его с тем сухим, деловым автором электронных писем. Он тоже попрощался.

Лу Цяньцюэ повернулся к Гуань Хэну, склонил голову и вышел.

Стоило ему уйти — и в комнате остались только Гуань Хэн и Нин Цюянь.

Почему-то наедине с Гуань Хэном он чувствовал себя ещё более пристыженным, чем перед обоими свидетелями его сегодняшнего позора.

Когда он играл на гитаре, Гуань Хэн попросил исполнить его собственную мелодию.

Просьба была самой обычной, и Нин Цюянь не думал отказывать. Он снова тронул струны, а на втором проигрыше — вдруг заплакал.

Дрожь в пальцах так и не прекратилась, и чувства нахлынули слишком быстро.

Нин Цюянь не сумел себя сдержать. Он не смотрел на тех, кто был в комнате. Опустив голову как можно ниже, он доиграл до конца — и тогда Гуань Хэн отослал его в комнату с пазлами.

Тогда, едва он доиграл, Гуань Хэн сказал: «Подожди меня в соседней комнате».

Теперь Нин Цюянь понимал: Гуань Хэн хотел дать ему возможность как можно скорее оказаться в одиночестве, прийти в себя и не попасть в неловкое положение.

— Мелодия была очень красивой.

Он услышал голос Гуань Хэна.

— Мне очень понравилось.

Гуань Хэн подошёл ближе; Нин Цюянь видел край его одеяния:

— Спасибо.

Он подобрал новую деталь, но никак не мог понять, куда её приложить.

— Сюда. — Гуань Хэн присел на корточки, забрал деталь из его руки и вставил в очевидное место. — Почему ты плакал?

Нин Цюянь помолчал.

— Ты чувствовал, что я тебя заставил? — спросил Гуань Хэн.

Он имел в виду — когда велел играть.

Нин Цюянь об этом не думал. Только сейчас, после его вопроса, он осознал: со стороны это действительно выглядело так, будто Гуань Хэн принудил его к тому, чего он не хотел. Но странность заключалась в том, что он не сопротивлялся — и, более того, постыдным образом ему нравилось это чувство подчинения.

Разумеется, говорить об этом Гуань Хэну он не собирался. Вместо этого спросил:

— Если я скажу, вы будете надо мной смеяться?

— Смеяться над чем? — невозмутимо уточнил Гуань Хэн.

Нин Цюянь нехотя признался:

— Над тем, что такой большой — а всё ещё скучает по маме.

Гуань Хэн некоторое время молчал. Когда заговорил — его слова стали для Нин Цюяня неожиданностью:

— Я уже почти не могу вспомнить лицо своей матери.

Нин Цюянь поднял голову, забыв о смущении:

— Вы давно её не видели?

— Очень давно, — ответил Гуань Хэн. — Она умерла совсем молодой. Ей было двадцать два. Всего на несколько лет старше тебя.

Мать Гуань Хэна тоже умерла?

Нин Цюянь подумал, что она, должно быть, была красавицей. И ещё подумал: выйти замуж и родить ребёнка так рано — семья Гуань, похоже, не совсем такая, как он себе представлял.

Гуань Хэн не стал продолжать эту тему и не попытался утешить его так, как Нин Цюяню было неприятно. Есть боль, которую не нужно «прорабатывать», — по крайней мере, повзрослев, он это усвоил. Люди сами позволяют ей оставаться в сердце.

— Я сделал много плохого, — тихо произнёс Нин Цюянь. — Врачи говорили, что если бы мы начали лечение на ранней стадии, шансы на излечение были бы очень высоки. Мы опоздали.

Через паузу добавил:

— Ей тоже нравилась эта мелодия. Она говорила, что напишет к ней слова.

— Поэтому ты бросил то, к чему стремился, — заключил Гуань Хэн.

Нин Цюянь догадался: Лу Цяньцюэ наверняка собрал о нём сведения и рассказал Гуань Хэну. Его приглашение на остров Ду явно не было поспешным решением — оно прошло несколько ступеней проверки.

Потому-то Лу Цяньцюэ и назвал его простодушным.

Они собрали ещё несколько деталей, и Гуань Хэн велел ему идти спать.

— На сегодня хватит.

Нин Цюянь — в кои-то веки — не послушался. Он сидел, опустив голову на худые юношеские плечи:

— Я хочу ещё немного побыть в тишине.

Перед ним протянулась рука.

Как тогда, при выходе из машины, — Гуань Хэн ждал, что он вложит в неё свою ладонь.

— Хватит. — Голос Гуань Хэна не допускал возражений. — Идём со мной.

Нин Цюянь нерешительно положил руку, и Гуань Хэн поднял его на ноги.

На этот раз Гуань Хэн не отпустил сразу. Нин Цюянь почти сразу ощутил температуру его кожи — как он и думал, она была прохладной, заметно ниже нормальной.

Но в тот миг, когда ладонь Гуань Хэна сомкнулась на его руке, он забыл обо всём.

Сам факт — Гуань Хэн держит его за руку — разогнал сердце до бешеного ритма, и всё тело вспыхнуло. Рядом с Гуань Хэном его организм переставал слушаться, каждый раз выдавая эти странные, неконтролируемые реакции.

Гуань Хэн был намного выше; Нин Цюянь, ведомый за руку, мог лишь, теряя самообладание, смотреть на его профиль и спину.

Вся недавняя печаль вылетела из головы. Осталась единственная мысль: слышит ли Гуань Хэн безумный грохот его сердца.

Они остановились перед чёрной дверью.

Гуань Хэн толкнул её, и Нин Цюянь был введён внутрь за руку.

Вспыхнул свет.

Нин Цюянь застыл на пороге. Он увидел бесчисленные зеркала.

Стены, пол, потолок — всё было покрыто зеркалами, холодными и яркими, как грани калейдоскопа. В них множились бесконечные отражения его и Гуань Хэна.

Его мягко подтолкнули на несколько шагов вперёд, и он внезапно встретился с Гуань Хэном взглядом — в зеркале.

Гуань Хэн стоял у него за спиной; его губы оказались ровно на уровне уха Нин Цюяня. Выражение лица — прежнее, неизменное, по-прежнему недостижимое.

По сравнению со светлой кожей Нин Цюяня, Гуань Хэн казался почти нереальным. Когда он отвёл взгляд от зеркала и опустил ресницы, чтобы посмотреть на стоящего перед ним Нин Цюяня, ощущение дистанции стало абсолютным.

— Что это за место?

Кончики ушей Нин Цюяня пылали. Казалось, он ступил на какую-то запретную территорию.

— Комната для медитации, — ответил Гуань Хэн.

Стоило им шевельнуться — и бессчётные отражения повторяли каждое движение.

Нин Цюянь видел себя сбоку, со спины; видел свободно опущенные пальцы Гуань Хэна и то, как под определённым углом он сам будто прислонялся к груди Гуань Хэна.

— Здесь мне легче думать, — сказал Гуань Хэн, вновь глядя в зеркало перед ними. — Возможно, тебе тоже поможет. Пазл — чтобы ты успокоился. Это место — чтобы заново узнать себя.

— Заново узнать себя, — тупо повторил Нин Цюянь, глядя на незрелого человека в зеркале.

— Хочешь попробовать? — Гуань Хэн не настаивал.

— ...

Гуань Хэн решил за него:

— Полчаса.

Нин Цюянь почувствовал, что тот собирается уйти, и нервно обернулся.

Он не верил, что это место ему чем-то поможет.

— Попробуй, — сказал Гуань Хэн, отступая на несколько шагов; тон — как при выдаче задания.
— Под ногами у тебя кнопка. Если не захочешь оставаться — нажми, и я приду.

Нин Цюянь стоял на месте.

Гуань Хэн закрыл за ним дверь. На её обратной стороне тоже оказалось зеркало.

Стоило двери захлопнуться — Гуань Хэн исчез из всех отражений.

Из зеркал смотрели растерянные, пустые глаза Нин Цюяня.

Он был как тряпичная кукла — оболочка, набитая истрёпанным наполнителем.

Сквозь зеркала за ним наблюдали другие глаза.

Наблюдали, как этот ничего не ведающий человек снимает свитер. Как его живот вздымается от нервного дыхания. Как он нерешительно стягивает брюки и носки. И главное — как он заново знакомится с собственным телом, пытается обрести новое понимание себя.

Хозяин этих глаз направлял его. Раскапывал.

Он ничего не знал. Нагой, он разглядывал себя в зеркалах — а зеркала отражали другое.

Высокое тело подхватило его сзади, впечатало в зеркальную поверхность, прижало его руки, переплетая пальцы. По широким лопаткам того человека рассыпались длинные, спутанные пряди, в нём клокотала сдерживаемая мощь.

Дикая схватка.

Между судорожными вдохами его дыхание оседало на холодном стекле облачком пара.

Когда его пальцы оставили след на этом облачке, он снова увидел отражение: Гуань Хэн прижимался к его шее, обнажая пару белоснежных заострённых зубов, — и вонзил их.

«Хлюп».

Тёмно-красная кровь брызнула на зеркало.

Нин Цюянь резко открыл глаза и сел, как подброшенный пружиной, хватая ртом воздух.

Он слетел с кровати — босой, даже не думая об обуви, — и бросился в ванную.

За две секунды содрал с себя ночную рубашку и уставился в зеркало, осматривая шею.

Ванная была отделана плиткой в ретро-стиле, с круглым окошком.

Солнечный свет падал сквозь него на зеркало, освещая половину лица Нин Цюяня и обнажённую шею.

Редкий для зимы ясный день.

На шее было чисто. Ни кровавых ран, ни тех двух красных точек, что он видел раньше. Ничего.

Это был всего лишь кошмар.

Память о вчерашнем вечере вернулась.

Нин Цюянь пробыл в комнате для медитации какое-то время, нажал кнопку, и дверь открылась. Но Гуань Хэна снаружи не оказалось, и никто не спрашивал его о результатах.

У двери ждала служанка. Она сказала, что у господина внезапно началось совещание по видеосвязи и он специально просил передать: как Нин Цюянь выйдет — пусть идёт к себе.

«Ложись пораньше».

Нин Цюянь легко представил, как Гуань Хэн произносит эту фразу.

По дороге он спросил у служанки, часто ли Гуань Хэн работает допоздна. Может, поэтому он и спит весь день.

Но служанка ответила:

— Мне трудно сказать. Кроме дяди Кана и молодого господина Лу, никому не позволено подниматься на третий этаж.

Теперь Нин Цюянь тоже стал одним из тех, кому был открыт доступ наверх.

Пришелец с другого берега моря — и вот он стал кем-то особенным.

В каком-то смысле каждый вечер этого визита на остров Ду был похож на сон.

Чудесный, волшебный сон.

После завтрака Нин Цюянь поднялся в комнату для пазлов.

Днём Гуань Хэн не появлялся — к этому Нин Цюянь уже привык. Он его не видел и не чувствовал, но точно знал: Гуань Хэн — здесь, в том же здании, на том же этаже. И этого было достаточно.

Он не просидел над пазлом весь день: временами усаживался в угол в наушниках и играл, а ещё выделил время, чтобы написать Су Цзяньчжоу.

Он думал: те люди, что когда-то тайком сфотографировали Гуань Хэна и выложили снимок в сеть, — чувствовали ли они то же самое? Это ощущение, что всё здесь — невероятно?

На свете множество людей, которые ничего не знают об этом месте. И о Гуань Хэне.

Нин Цюянь эгоистично этому радовался.

Время тянулось.

Чем длиннее казался день — тем сильнее Нин Цюянь ждал вечера.

Что скажет ему Гуань Хэн сегодня? Может быть, снова пазл. Или разговор. Может, спросит о результатах медитации. А может — придумает что-то другое.

Он чувствовал тихое возбуждение.

Но когда наступил вечер, Нин Цюянь получил лишь мороженое.

Гуань Хэна он так и не увидел.

Дядя Кан объяснил, что Лу Цяньцюэ вчера привёз рабочие новости, которые оказались сложнее, чем предполагалось, и ближайшие дни Гуань Хэн будет очень занят.

— Понятно, — ответил Нин Цюянь. — Я уезжаю завтра. Передайте ему от меня прощание, пожалуйста.

— В следующем месяце вы снова увидите, — сказал дядя Кан. — Мальчик мой.

Нин Цюянь не знал, не подумал ли дядя Кан чего-нибудь лишнего. Он молча доел мороженое.

В комнате для пазлов он оставил записку: «Пожалуйста, не трогайте. Я хочу закончить сам».

На следующий день, в понедельник, на рассвете, Нин Цюянь сел в машину, присланную дядей Каном, и тот лично проводил его до корабля дяди Пина.

Море было спокойным.

Прошлой ночью Нин Цюянь не сомкнул глаз.

<http://bllate.org/book/17881/1710905>